

Театръ Незлобина.

Вчера въ театрѣ Незлобина былъ спектакль, состоящій изъ двухъ фантастическихъ пьесъ: толстовскаго «Перваго винокура» и одноактной шутки г. Юрія Бѣляева: «Красный кабачокъ».

«Винокуръ» принадлежитъ къ тому періоду творчества великаго писателя, когда Левъ Толстой весь былъ поглощенъ писаніемъ разсказовъ для народа, пьесъ для него, увлекалъ художниковъ писаньемъ картинъ для народа.

Когда эти произведенія Толстого вычитаете, отъ ихъ примитивности вѣстъ на васъ чѣмъ-то огромнымъ. На помощь гению приходитъ глубочайшая вѣра автора во все, что онъ проповѣдуетъ, и эта вѣра дѣлаетъ произведенія, созданныя для младенческаго пониманія народа, такими безконечно правдивыми, такими глубокими и важными. Словно это даже и не сказки, а молитвы.

Но вотъ Толстой заговорилъ не самъ, не черезъ книгу, а при посредствѣ театра,—и та глубокая убѣдительность и серьезность, какая есть въ толстовскомъ «Винокурѣ», изъ театральной «Винокура» въ значительной степени исчезла.

Поставленъ «Винокуръ» внѣшне очень хорошо: декорации воспроизводятъ лубочныя картины, и это вполне гармонируетъ съ характеромъ пьесы; но внутренняя сторона произведенія пострадала, и произошло это потому, что тамъ, гдѣ Толстой вѣритъ и стоитъ на одномъ уровнѣ съ народомъ,—актеры не вѣрятъ, и только притворяются, только дѣлаютъ одолженіе, снисходя къ народному міросозерцанію.

Старшой Чортъ у Толстого—такое же реальное, живое и важное по значенію существо, какъ и самые любимые авторомъ герои «Войны и мира»; онъ живетъ настоящею жизнью; исполнитель же сго, г. Грузинскій, очевидно, чорта глубоко презираетъ и всю чортову психологию сводитъ къ необыкновенно громкому и однообразному крику. Въ общемъ же, ему было самымъ песимѣйшимъ образомъ скучно, и это было написано на его лицѣ.

Г. Нероновъ, изображавшій Мужичкаго Чорта, принималъ сго болѣе всерьезъ, но и онъ не былъ искрененъ, и онъ снисходилъ до чорта. Оба эти исполнителя очень даровиты, но бѣда въ томъ, что они слишкомъ хорошо помнятъ, что они интеллигентные, современные люди. И выходило такъ, что Толстой—маленькій и наивный, а артисты—большие и очень умные.

Точно такъ же слишкомъ весело и буффонно было въ аду, такъ что даже являлся вопросъ: да точно ли туда такъ плохо попасть? А, впрочемъ, играли все-таки недурно; очень многое хорошо у того же г. Неронова. Хороши г. Балакиревъ и г-жа Третьякова (Мужикъ и Баба).

«Фантастическая исторія», какъ называлъ свой «Красный кабачокъ» Ю. Бѣляевъ, переноситъ насъ въ 1798 годъ. Наканунѣ Рождества скатерининскій вельмѣжа кн. Курмышевъ веселится со своими крѣпостными актрисами и съ гвардейскими офицерами въ загородномъ «Красномъ кабачкѣ». Много говорятъ, между прочимъ, о похожденияхъ барона Мюнхгаузена, которымъ въ то время зачитывались и который въ предыдущемъ году умеръ. Винные пары кружатъ головы пирующимъ; разсказы о Мюнхгаузенѣ и разной чертовщинѣ настраиваютъ воображеніе, и когда пирующие путя призываютъ къ себѣ умершаго барона, онъ появляется.

Появляется, развлекаетъ компанію, произноситъ патетическій монологъ о великомъ двигателѣ міра—лжи, фантазій, выдумкѣ...

Сюжетъ этой вещицы превосходенъ; много интереснаго и характернаго въ частностяхъ, но что-то въ этой пьесѣ не вытанцовалось; слишкомъ много въ пей боязни автора, что зритель не проникнется всей прелестью легкомыслія, и поэтому авторъ, устами Мюнхгаузена, слишкомъ много и слишкомъ серьезно призываетъ къ легкомыслію.

Играли хорошо, хотя постоянныхъ ролей, за исключеніемъ роли фантастическаго барона, нѣтъ. Последній достался г. Асланову. Его игра была интересна и ярка, но пѣмекій акцентъ ему плохо удавался, да и нуженъ ли онъ? Вѣдь, вся роль барона написана чистымъ русскимъ языкомъ. Изъ крѣпостныхъ актрисъ характернѣе другихъ пожилая Повитухипа, и ее ярко изобразила г-жа Васильева. Милы были г-жи Рышпина, Лелева и Лесли; на своихъ мѣстахъ гг. Максимовъ, Грузинскій и Лихачевъ.

Пьеса имѣла шумный успѣхъ. Автора много вызывали.

С. Я.